

Содержание

6 **От издательства**

10 **Введение**

Глава 1. На пороге Церкви

- 12 Степень нашей готовности
- 13 Остановиться, чтобы сделать шаг
- 14 Господь ловит на грани
- 15 Подобрать ключ к каждому
- 18 Трудный легкий первый шаг
- 19 Одиночество в многолюдстве
- 21 Еще раз остановись!

Глава 2. Найти свой храм — найти себя

- 23 Святая святым?
- 25 «Я, любимый»
- 26 Про «злых свечниц»
- 27 Искать ли свой храм?
- 29 Община: дорасти до того, чтобы отдавать
- 32 Иная жизнь и страсти человеческие

Глава 3. Первая исповедь

- 34 Почему начать нужно с покаяния?
- 35 Решиться и прийти
- 37 Слезы, а не экзамен
- 38 Найти священника-«айболита»
- 40 Как преодолеть страх?

Глава 4. Богослужение: первые шаги

- 43 Литургия. Остальное — приложится
- 46 Еще раз о преодолении одиночества
- 47 Вечернее богослужение.
Часослов и Псалтирь

- 49 Китайская грамота: о богослужебных книгах
- 50 Не бояться сложного

Глава 5. Участие в таинствах

- 52 Что такое таинства и почему их семь
- 55 Крещение
- 59 Миропомазание
- 62 Таинство Брака
- 66 Таинство Елеосвящения (Соборование)
- 69 Таинство Покаяния (Исповедь)
- 79 Таинство Священства
- 79 Таинство Причащения (Евхаристия)
- 86 А если я ничего не чувствую?

Глава 6. Святыни и традиции

- 89 Что для нас святыня?
- 91 Святость вещи и святость человека
- 93 Зачем мы ездим в паломничества?
- 95 Паломничество к старцам
- 96 Произойдет ли встреча?
- 98 Священное плюшкинство
- 100 Источник чудес: верить или нет?
- 103 Традиции большие и маленькие
- 106 Будьте как греки?
- 107 Святое или несвятое?
- 109 Креститься или не креститься?
- 109 Чтобы пост не стал самообманом

Глава 7. Переоценка ценностей

- 113 Изменился сам — не изменяй мир
- 114 И враги человеку домашние его
- 118 Воцерковлять ли свою работу?
- 121 Науки как доказательство Евангелия
- 126 Культура вспахивает душу
- 128 Вкус к вещам
- 130 Найти себя, не ссорясь с Богом
- 131 Утешения от Господа

От издательства

История Православной Церкви насчитывает почти два тысячелетия. За это время церковное Предание вместило в себя большое количество книг и постепенно сформировавшихся традиций: каноны, богослужебные тексты, молитвословы, поучения святых отцов и другие книги о самых разных аспектах христианской жизни. Как разобраться в этом море информации человеку, недавно переступившему порог храма? Что считать главным? Наставлениям кого из христианских подвижников следовать? Подобные вопросы возникают в голове человека, всерьез задумавшегося об основах своей веры и решившего понять церковные традиции. Замечательно, если найдется кто-то знающий и поможет. А если нет? Тогда можно воспользоваться проверенным способом — прочесть хорошую книгу. Надеемся, что такими книгами станут наши издания, составляющие новый образовательно-просветительский проект «Ступени веры».

Книги «Ступеней веры» отличает их соответствие учению Церкви, продуманность и доступность изложения. Все они написаны специально для этого проекта современными авторами: священниками, преподавателями, историками, не только обладающими глубокими познаниями в своих областях, но и умеющими ярко и доступно передать свои знания читателю.

Небольшой объем, лаконичность оформления и удобная навигация по книгам — отличительные особенности данного проекта. Некоторые книги курса построены в виде уроков, другие снабжены иллюстрациями и инфографикой, облегчающей усвоение материала. Отдельным достоинством курса является возможность изучения книг независимо друг от друга.

Этот курс станет незаменимым помощником как для людей, делающих первые шаги в Церкви, так и для всех, кто хочет расширить и систематизировать свои знания о православной вере.

Проект издательства «Никея» не отменяет необходимости дальнейшего знакомства с миром православного Предания, но дает знания, необходимые для более глубокого погружения в церковную традицию, и побуждает к дальнейшему движению в раз и навсегда правильно выбранном направлении.

Продуманный и логично выстроенный, курс «Ступени веры», словно компас, поведет читателя путем познания по ступеням восхождения, возрастания в православной вере.

1-я СТУПЕНЬ.

ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ

- «ВХОЖДЕНИЕ В ЦЕРКОВЬ»
«ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ»

2-я СТУПЕНЬ.

ИСТОРИЯ

«ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ»

3-я СТУПЕНЬ.

БОГОСЛУЖЕНИЕ

«КАК УСТРОЕНО

БОГОСЛУЖЕНИЕ ЦЕРКВИ»

«ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ

СЛОВАРИК»

4-я СТУПЕНЬ.

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ

«ЗНАКОМСТВО С БИБЛИЕЙ»

Первая ступень. «Воцерковление» состоит из двух книг известного миссионера и проповедника протоиерея Андрея Ткачева — «Вхождение в Церковь» и «Духовная жизнь». Первая из них рассказывает об основах христианской жизни, раскрывает теорию — что такое молитва, какие таинства присутствуют в Церкви, почему и как

почитаются святыни и соблюдаются традиции. Вторая же, скорее, говорит о практике духовной жизни: о глубине покаяния, об аскетике и монашестве, о различиях между постом внешним и внутренним, о необходимости самообразования.

Книга «Вхождение в Церковь» вводит читателя в мир православной веры, помогает решиться на первую Исповедь, приступить к главному Таинству Церкви — Причастию, знакомит с церковными традициями, предостерегая от «духовных ловушек» и «подмен».

Автор доступно и увлекательно объясняет, что происходит в православном храме, и знакомит читателя с богатством церковных традиций.

Вхождение в Церковь

Введение

У меня есть один знакомый — простой и хороший человек, которого преследует всю жизнь одна любопытная закономерность. Какие бы он квартиры ни снимал (своего жилья пока нет), они всегда оказываются в той или иной степени близости от православного храма. Узнает знакомый об этом только рано утром в воскресенье, когда удары благовеста зовут верующих на литургию. А заодно и будят неверующих. Любопытно, что этот знакомый на благовест не сердится. Наоборот, говорит: «Эх, зовет меня Господь в церковь, зовет...» — «Так когда придешь?» — спрашиваю. «Надо, надо... Как-нибудь потом».

Что такое это наше современное «потом»? Недавно появилось модное словечко «прокрастинация» — термин в психологии, произошедший от латинских слов *pro* — «на» и *cras* — «завтра». Проявляется прокрастинация в том, что человек, зная необходимость каких-то важных задач, игнорирует их и отвлекает свое внимание на что-то другое. Лежит, например, перед ним Библия, которую он никак не возьмется читать. И говорит он себе: «Надо, знаю. Но не сейчас». Так может длиться годами. Прокрастинацию можно назвать, вместе с гиподинамией, ожирением и хронической усталостью, «болезнью века». Психологи изучают ее и дают советы, как с ней бороться. Недавно я узнал о святом мученике Экспедите (память 19 апреля). Тот был решителен в преодолении соблазна откладывать на завтра добрые дела. Его изображают с крестом в руках, на котором написано *Hodie* — «сегодня». А под пятой у него ворон с лентой в клюве. На ленте надпись: «завтра». В образе ворона диавол искушал святого отложить Крещение. Латинское *cras* (завтра) и звучит словно карканье. Так вот святой Экспедит наступил

на птицу, сказав свое «сегодня». Достойный покровитель для современников.

Но вопрос остается: можно ли побороть прокрастинацию прихода к Господу? Правомочно ли наше «потом», которое мы говорим Богу в ответ на Его благовест?

В слове «потом» есть большая угроза — угроза превратиться в «поздно». Этим опасно затягивание. Ты же не знаешь, сколько тебе времени и сил отпустит Господь, сколько возможностей войти с Ним в общение у тебя еще будет. Может, не так много осталось? А ты не пользуешься сегодня тем, что завтра станет невозможным. «Слишком поздно» — это те два слова, которыми, по Достоевскому, можно выразить ад. Именно не «больно» или «страшно», а «поздно». И Достоевский абсолютно прав. Представьте, когда перед человеком, словно на ладони, лежит прошлая жизнь со всеми ее нереализованными возможностями, со всеми ошибками, досадными неразумениями, словно прожитая начерно. Это же ужасное зрелище! Жил я и думал, что лишь готовлюсь к настоящей жизни и скоро заживу в полную силу. А прожитые дни, месяцы и годы оказались не черновиками, а выпускной контрольной. И все, уже поздно. Подобная мысль леденит душу.

Уходит здоровье, чтобы уже не возвратиться; уходят друзья и родственники; проходит время, не умеющее течь вспять. Когда все важное прошло мимо, помахав ручкой, ужас этого простого слова «поздно» рождает плач и скрежет зубовой. Звуками этими будет полна злая реальность преисподней...

Но пока листаются эти страницы, пока глаза бегают по строчкам, а за окном по небу плывут облака, еще не «поздно». Сейчас продолжается, тянется привычное «потом». Потом я постараюсь исправиться, потом начну бороться с грехами, беречь жену, воспитывать детей, думать о Христе... Потом, потом, потом...

Эта книга о том, когда «потом» заканчивается и начинается «здесь и сейчас».

Степень нашей готовности

Можно очертить грубо два типа личностей. Например, вы встречаете человека, который убежден, что святости вообще нет, что каких-то таких запредельных высот не бывает, да и вообще иной жизни не может быть, потому что жизнь — это предельно просто: игра химии, гормонов, денег, страстей, случая. Вы пытаетесь с таким человеком о чем-то говорить и вдруг понимаете, что нет коммуникации, вы говорите на разных языках. Это один вариант. А второй вариант — когда вы встречаете человека и он дает понять: «Да, я верю в то, о чем ты свидетельствуешь, я знаю, что так и есть». — «Ну так что, пойдём?» — спрашиваете вы, но он отвечает: «А можно потом? Я чувствую, что не готов еще». Тут можно надеяться, что этому человеку возможности будут умножены. Человеку, который соглашается с наличием святости и иного мира, человеку, который признает свое фактическое недостоинство, бывает боязно менять свою жизнь немедленно. Добрый плод уже зачат в душе его, но еще недоношен, чтобы родиться. Думаю, надо иметь уважение к робости подобного человека.

Ведь слово «потом» неоднозначно. Оно может иметь конструктивный и деструктивный смысл. Про деструктивный мы уже сказали выше — постепенное превращение в «поздно». Но бывает и «правильное» отлагательство. Отложенная мысль. «Я потом приду. Я знаю, в мире есть смысл и красота, знаю, в Церкви есть святость. Но я пока не готов это вместить. Я обязательно доберусь туда потом...» В этой мысли есть признание немоги, то есть смирение. Оттого она вызывает сочувствие.

Правда, сложность в том, что мы напрочь лишены возможности определить, в какой степени готовности мы находимся. Адекватно дать оценку своему состоянию мы не в силах. В состоянии ли человек сам в себе разобраться? По большей части за отказом идти к Богу может стоять просто трусость. И нужно понимать, что труса сделать храбрым — это великое искусство.

Какой можно сделать вывод? Того, кто в ответ на призыв к молитве, покаянию, приходу в храм говорит «потом, не сейчас», тянуть не надо. Нужно признать, что не может человек только своими силами, без помощи Бога, врачевать другого человека. Надо дать Богу место и время. Ему, Премудрому, доступна педагогика обстоятельств. Язык повседневных событий — именно тот язык, которым Господь разговаривает с людьми. Стоит быть внимательным ко всему происходящему, ибо это форма диалога с Тем, Кто нас создал.

Остановиться, чтобы сделать шаг

Festina lente — так говорили древние римляне, мудрые люди: спешите, но медленно. Наверное, это и есть рецепт прихода в Церковь. Ведь чтобы сделать шаг, нужно... остановиться.

Сегодня «вечные», бытийные вопросы заслаиваются таким уровнем внешней шелухи, что будто бы и вовсе исчезают. Человеку очень трудно пройти внутрь себя. Ему не до себя — то есть ему, казалось бы, только и есть дело, что до себя, но не до настоящего себя. Он боится заглянуть внутрь, туда, где ему придется снять покров с «портрета Дориана Грея»: отдернуть занавесочку и увидеть подлинное «я». Слишком много страхов, задавленных страхов, среди которых — страх встречи с самим собой. Человек может заниматься чем угодно, лишь бы только не заниматься самым главным. И хотя многие привычно жалуются на суету и перегруженность, но нередко внешняя суета втайне любима, поскольку очень кстати отвлекает нас от важных вопросов.

Нужно остановиться. У пророка Иеремии читаем: «Остановитесь на путях ваших и рассмотрите ... где путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душам вашим»¹.

«*Festina lente* — так говорили древние римляне, мудрые люди: спешите, но медленно»

Остановимся, сядем, услышим. Помните Христа в гостях у Марфы и Марии? Марфа бегаёт, Мария сидит. Мария сидит не потому, что она лентяйка, а потому, что ей хорошо сидеть и она понимает: в этот момент надо сидеть у ног Мессии. Смотреть на Него снизу вверх любящим взглядом и ловить каждое слово. Причем Мария не говорит Иисусу: «Скажи сестре, пусть и она сядет!» Мария просто молчит и слушает. А Марфа не только бегаёт, но ещё и сетует: что ж сестра сидит, пусть мне помогает!

Пока бегаем — никогда не услышим. Вот прийти в Церковь — это и есть остановиться.

Господь ловит на грани

У протестантов можно прочитать много таких вот историй: «Я был пьяницей, валялся под забором, курил, ругался матом. Конечно, обо мне печалилась вся семья и я был изгоем общества. И вдруг я услышал проповедь — и поменял свою жизнь. Иисус спас меня, Иисус вошел в мое сердце, теперь я конечно же не пью и не курю и даже не выражаюсь матом. Я стал полной противоположностью тому, чем был год назад! Теперь я всем проповедую то же». Вот в принципе одна из типовых протестантских историй обращений, которая может быть тиражирована миллионами экземпляров под разными именами. Ничего намеренно плохого в этих историях нет. Просто они шаблонны и рисуют слишком простую картину. Дескать, был без Бога — было все плохо. Услышал проповедь, стал жить с Богом — стало все хорошо.

Нам, православным людям, стоило бы проработать какой-то свой массив историй обращенных людей. Мы получим картину более живую, более драматичную, сложную и богатую на сюжеты. В нее может быть вплетена вся пестрота жизненных событий: война, роды, ушедший муж, изменившая жена, болезнь ребенка, смерть родственника, случайная встреча, неожиданная служба, которую посетил человек в церкви. Мы тоже смогли бы выделить из этих историй какие-то серьезные принципиальные линии. Линия критическая, крайняя, например: ушел сбрасываться с моста и... Господь ведь на краю ловит людей. Я действительно слышал такие истории от самих

«*Господь ловит нас,
когда мы находимся*

на грани»

участников: человек шел бросаться с крыши, и его остановил Господь. Буквально остановил. С этого момента жизнь двинулась в иную сторону.

Есть и промежуточные, «серединные» сюжеты, когда критической ситуации не было, но просто было очень плохо. Есть сюжет «встречи» — когда встретил, узнал, поговорил, услышал, понял, почувствовал... Или бывают такие периоды, когда вообще ничего не предвещает перемен в жизни: было обычное утро, человек собрался на работу, надел пальто и шляпу, вышел из дома и вдруг... Все, как у Клайва Льюиса²: «был настигнут радостью».

И вот если бы все эти истории вычленили, собрать, мы, может быть, смогли бы уловить, как Господь находит Своих учеников. В критических состояниях Он, видимо, ловит тех, у кого в иных случаях просто не возникло бы вопросов о смысле бытия; более чуткие души Он находит на внутренней грани, хотя снаружи у них все хорошо, казалось бы.

По сути, всех нас ловит Господь, когда мы находимся на грани. Только эта грань у одного очевидная, она существует в виде крыши, с которой он решил прыгнуть, в виде ножа, таблеток, сумасшедшего дома. А у другого — какая-то внутренняя грань, ее не видно. Причем ведь, смотрите, есть люди, вроде бы знающие о Христе, и есть люди, никогда не слышавшие о Нем. Но находит Бог и тех и других. Те, которые знали что-то о Христе, имеют шанс искать именно Его, потому что они о Нем слышали. Но самое удивительное, когда Он находит тех, кто вообще о Нем не слышал или даже научен думать о Нем что-то плохое. Как апостол Павел, который поначалу был гонителем христиан.

В конечном итоге речь идет о встрече человека и Бога, где третьи лица, косвенно участвующие в этой сложной истории, должны не помешать. А по возможности даже помочь, стать проводниками, с помощью которых может передаваться благодать.

Подобрать ключ к каждому

Способ обретения Бога, характер первой встречи накладывает печать на всю последующую христианскую жизнь человека. Например, кто-то принимает Христа, познав Его через литургию. Литургическая мистерия, таинство может

² Клайв Стейплз Льюис (1898–1963) — выдающийся английский и ирландский писатель, ученый и богослов. Известен своими работами по средневековой литературе и христианской апологетике, а также художественными произведениями в жанре фантастики. (Здесь и далее примеч. ред.)

открыть человеку Господа, хотя он к этому не готовился. У другого человека умирает родственник, и он попадает на заупокойную службу. И вдруг это богослужение в его разодранную скорбью душу что-то зароняет. Он что-то познает. Впоследствии человек будет искать Христа именно через богослужение, он будет искать Его там, где уже однажды встретил.

Причем, если он слышал проповедь и проповедь ему пробила сердце, он будет искать проповедника. А если он услышал службу и она легла ему на душу, он будет искать именно службу. И ему будет не очень важно, кто там служит — епископ или священник, старый или молодой,

«*Если человек
через книгу нашел
Бога, то он будет
жадно искать
и познавать умом
Господа и дальше*»

строгий или добрый. Если человек через книгу нашел Бога, то он будет жадно искать и познавать умом Господа и дальше. Был у Августина Блаженного такой сложный момент, когда головой он прекрасно знал, что Бог есть, что Господь Иисус Христос — это Путь, и Истина, и Жизнь и что нужно идти по этому пути, — а сердце не соглашалось, сердце хотело еще удовольствий, славы, женской любви... И Августин, как честный человек, находился в жуткой раздвоенности. Его сердце говорило: «Не могу я идти ко Христу сейчас!» А голова говорила: «Но больше идти некуда».

Тогда, по преданию, ему был голос: «Бери, читай». Он взял книгу — Послание к Римлянам, где как раз говорилось о его состоянии. Он почувствовал Христа, говорящего с ним, и это был момент решительного склонения чаши весов в сторону служения Богу. Так Блаженный Августин и стал великим книжником, и писателем, и читателем, и толкователем, и экзегетом. Через книги он пришел к Богу, и книги стали полем его деятельности.

Толчком к встрече с Богом у каждого может стать свое: монастырь, старец, болезнь, война, пение хора, колокольный звон... На войне ведь многие теряют Бога, а многие находят Его. Те, кто якобы имел веру в Него, на войне могут потерять Его; те, кто не имел Его совсем, — Его найти; война сделает Бога еще ближе, чем Он был, к тем, кто и до войны имел веру настоящую, глубокую.

Каково должно быть состояние человека, чтобы принять Бога? «Будьте как дети»?³ Если брать прозрачную, чистую евангельскую истину, конечно, ее лучше воспринимать

³ См.: Мф. 18: 3.

как ребенок. И всем легче будет — и Господу, и тебе самому будет с собой легче. Другое дело, что такой чистоты — быть как дети — нет по факту. Какие дети? Сейчас дети стали уже как взрослые. Они уже не дети по степени понимания дел мира сего, по степени погруженности в какие-то страстные состояния, по изворотливости ума. А от взрослых тогда чего ожидать? Настоящей наивности, детской, сейчас еще нужно поискать. Поэтому можно говорить о состоянии наиболее предпочтительном и фактическом. Предпочтительное — это детская простота, а фактическое — это сложность. И в этом смысле мы добавляем Господу Богу трудов. Это не я придумал, это святые отцы говорили, например Паисий Святогорец⁴: мы заставляем Бога переживать за нас в десятки раз больше. Если пьяный человек садится за руль, если кто-то всю жизнь только и делает, что ищет себе приключений, Господь вынужден постоянно их спасать, ограждать, иначе они бы погибли уже давным-давно. А нет же, живут, хотя ходят по краю. Сколько есть записанных исповедей бывших наркоманов, потом обратившихся, — и они просто поражаются, как не померли в какой-то момент, как будто кто-то их хранил! Ищут кто, гадают — мамыны молитвы? крестик бабушки? Да, Бог усиливается в таких случаях, чтобы спасти их, этих людей.

Для каждого человека у Бога найдется свой ключ к сердечному замку. Прекрасный образ есть у неподражаемого христианского апологета начала XX столетия, мастера метафор и парадоксов Гилберта Честертона: он пишет, что вера подобна ключу. Ключ — это очень сложная вещь. Даже старый, от амбарного замка, — это искусно, фигурно выделанная штучка. И штучка уникальная: она должна подходить именно к своему замку. Если ключ не влезает в замочную скважину, не может открыть — все: он красив, изящен, сложен, но... бесполезен. И у каждого человека — в силу усложнившейся жизни вокруг, в силу того, что исхитрилось само нутро человека, — сердце стало лабиринтом, замком, и нужно пройти сложным путем, чтобы добраться до середины. Нужен свой, уникальный ключ к сердцу человеческому.

И вот какой мы, в силу своей мнимой или подлинной сложности, задаем Богу труд — к каждому сердцу отдельно подбирать свой ключ.

⁴ *Преподобный Паисий Святогорец* (в миру Арсений Езнепидис; 1924–1994) — один из самых уважаемых греческих старцев и духовных светил греческого народа XX века, старец Афонской Горы, известный своими духовными наставлениями и подвижнической жизнью.

Трудный легкий первый шаг

Бывает и так, что в человеке сидит какой-то страх: страх показаться невеждой в новом пространстве Церкви, страх, что там не примут... Раньше был (и сегодня в некоторых храмах возрождается) чин оглашенных, придуманный именно для таких страшущихся. Человек приходил, присматривался, узнавал о вере, задавал вопросы... И он мог стоять на литургии до возгласа: «Елицы оглашеннии, изыдите!»⁵, слушать Евангелие, возможно, что-то важное услышать именно для себя. Апостол Павел писал о том, что в собрание христиан может войти сторонний человек, грешник, и вдруг услышать в проповеди слово, как будто именно для него прозвучавшее, его обличающее, — пасть ниц и прославить Бога...⁶

⁵ Возглас в конце литургии оглашенных, которым в древности оглашенные (некрещенные люди, желающие принять Крещение) призывались покинуть храм. Дальнейшая часть литургии (литургия верных) предназначалась для «верных», то есть крещеных христиан.

Действительно, в жизни бывают такие вещи. Человек может зайти «за чем-то новым», подслушать и подсмотреть, полюбопытствовать, что это вообще такое — церковная жизнь, церковная служба. И вдруг услышать слово, резанувшее прямо по сердцу...

Из всего этого и состоит таинство обращения. Не резкий переход отсюда туда, как в будущей жизни, когда возврата нет (вспомним притчу о богаче и Лазаре⁷), а некие постепенные переходы. Господь ведь тоже звал к Себе апостолов в несколько «этапов». Они узнавали о Нем, потом вновь на какой-то период возвращались к привычным трудам и лишь со временем оставляли все и становились учениками, спутниками, свидетелями.

⁶ См.: 1 Кор. 14: 24–25.
⁷ См.: Лк. 16: 19–31.

Нет резкой грани между миром и Церковью. Уже больше двадцати лет дверь Церкви открыта для миллионов людей. Увы, за счет этой открытости существование Церкви многим начинает казаться... слишком обыденным. Если бы Церковь скрывалась — так, что не найдешь, и не войдешь, и не пустят, и рассказать ничего не хотят, — тут, возможно, появился бы интерес и желание все-таки войти в эту «тайную дверь», узнать, что за ней. Любопытно было бы. А так — нет. Все открыто, можешь зайти внутрь, сразу же выйти, снова зайти... Эта обыденность соблазняет и охлаждает одновременно. «Да вот она, эта церковь, рядом стоит! Чего тут, это ж не в Тибет ехать!»

В наличии этой легкости есть и плюс и минус.

Плюс для тех, чье сердце отзывчиво на уколы нужных слов в нужное время, отзывчиво к действию Духа Святого.

Случайно зашел, а там какая-то служба идет. «А чего тут люди собрались?» — «Сегодня Успение Божией Матери. Мы Божию Матерь хороним сегодня...» И человек задержался и остался, и вдруг что-то вошло в него из этой всей длинной непонятной службы, какие-то два-три слова запали ему в сердце. Такое бывает. История обращения может быть и такой.

И открытая дверь будет минусом для тех, для кого бытие Церкви «под боком» остается просто чем-то внешним. Привычным, приятным или нейтральным, но глубоко не трогающим, как колокольный звон у моего знакомого.

Еще вот что. Мы переступаем порог Церкви, неся с собою дух того мира, в котором жили и живем. Мы можем даже не подозревать о том, насколько мы пропитаны этим духом, но он даст о себе знать непременно. Все болезни эпохи присутствуют в нас. И надо хорошо понимать, что сегодня в храм приходит человек не XIII или XVII, а XXI века. Дмитрий Донской, приходящий к Сергию Радонежскому, — это не совсем то же, что нынешний министр обороны, пришедший к Святейшему Патриарху... С одной стороны, это одно и то же, с другой — довольно разные вещи: другая культурная традиция, другие мысли о себе и окружающих, другая степень ответственности за все. Мы — дети своего времени — приходим в Церковь, пропитанные чем-то таким, чего не было раньше. Иначе можно было бы в каждую эпоху просто перепечатывать старые книжки и не писать новых. Если бы новых вопросов не появлялось, не было бы нужды в новых ответах. Но они появляются. Наше время — иное, и мы его носим в себе.

« Мы переступаем порог Церкви, неся с собою дух того мира, в котором жили и живем »»

Одиночество в многолюдстве

В первую очередь мы носим с собой свое одиночество. Сегодняшний человек очень одинок, он лишен почти всех связей, которые раньше его укрепляли: социальных, национальных, сословных. Да и сословий уже никаких нет — купцов, дворян, офицерства, в старом понимании. Только духовенство, к слову, осталось. Очень

потрепанное и изменившееся, но осталось. Последнее уцелевшее сословие.

Национальность для многих стала условностью: ее даже теперь не записывают в паспорт. В результате человек не чувствует себя включенным в большее, вшитым, как нитка в ткань. Он не чувствует, что справа, слева, сверху, снизу от него в тесном соприкосновении находятся такие же нити, вместе с ним составляющие одно целое. Он чувствует себя в многолюдстве, где он никому не нужен и одинок. Многолюдство — лишь фон его жизни.

Вот, например, сидят в кафе папа, мама и двое детей. Они ожидают свой заказ, и каждый при этом увлеченно смотрит в свой гаджет. Четыре человека сидят, и никто из них не разговаривает друг с другом, каждый смотрит что-то свое: мультик, фейсбук, «тетрис»... Картина привычна, но совершенно ненормальна.

«*Современный человек находится в парадоксальном состоянии обмана*»

Современного человека специфически опьянила цивилизация, она совершила с ним тонкую подмену. У нас есть все и... нет ничего. Что я имею в виду? Например, мы летаем по небу, но остаемся слабыми и незащищенными и можем с этого неба легко упасть. Мы разговариваем с Токио так, будто наш собеседник находится в соседней комнате, но при этом, выключив «скайп», плачем от одиночества. Одежду за нас стирает стиральная машина, посуду моет машина посудомоечная — руки освободились, но мы не знаем, что делать с освободившимися руками! Раскладывать пасьянс? Переключать кнопки телевизора?

Ведь цивилизация якобы развивается для того, чтобы подарить человеку счастье. Но вместо счастья она дарит нам стиральную машину, посудомойку и робот-уборщик, а счастья как не было, так и нет.

Про «освобождение» от цивилизации много в своих беседах говорит афонский старец Паисий Святогорец. К нему как-то пришел глава многодетной семьи: «Отче, у нас есть одна машина, но я думаю купить еще две. Так нам будет полегче». — «А насколько вам будет потруднее, ты не подумал? — спросил старец. — Одну машину ты оставляешь в какой-нибудь подворотне, а где будешь ставить три? Тебе понадобится гараж и склад для горючего. Вместо одной опасности вы будете подвергаться трем.

Лучше вам обходиться одной машиной и ограничить свои расходы. И время, чтобы смотреть за детьми, у вас будет, и сами вы будете умиротворенными. Надо жить проще!»

Возможно, поэтому современный человек глубоко недоволен. Он недоволен, кажется, тем, что хоть у него есть многое, но у него нет чего-то еще. А ведь то, что он имеет, — это пик желаний и стремлений любого человека, жившего хотя бы двадцать лет назад. Не говоря о жившем двести лет назад.

Вот парадокс: машины все делают за нас, а мы ничего не успеваем. У Михаила Боярского есть такая песня: «Спешу куда-то день-деньской... И все равно я день-деньской в сто мест важнейших день-деньской опаздываю разом. А по ночам мне снится конь...» Дед на коне всюду успевал, а я, загнав под капот четыреста лошадиных сил, никуда не успеваю! Современный человек находится в каком-то парадоксальном состоянии обмана. С одной стороны, он считает, что живет в лучшее из всех времен, которые были: больной зуб ему лечат так, что он ничего не чувствует; он может побывать на Мальдивах и в Африке; по Интернету он говорит с любым городом мира. Это удивительные блага, которых не было никогда ни у кого. Спроси любого человека: «Ты мог бы жить в эпоху Ивана Грозного или в Париже Людовика XIV, при мушкетерах, когда, например, не было канализации? Батистовые кружева батистовыми кружевами, но... ты бы мог тогда жить?» Человек честно скажет: «Нет, не смог бы. Я рад, что я живу сейчас!»

Но вместе с тем обещали-то ведь человеку не канализацию... Цивилизация имела претензию на то, чтоб подарить человеку счастье, причем настоящее и окончательное счастье. А счастья нет.

И поэтому современный человек глубоко разочарован.

Еще раз остановись!

Получается, Церковь остается для человека последним местом, где он все-таки может обрести свой кусочек счастья. Этого, по крайней мере, человек от Церкви ждет.

Выше мы уже много говорили про спешку и неторопливость, но вот тут, когда ты уже наконец зайдешь в храм, ты тоже не бегай. Мы так привыкли к суете и отвыкли от

тишины, и внешней, и внутренней, что и в храме неосознанно продолжаем это «броуновское движение». А суетиться тут не стоит. Не так важно сейчас, как записку написать, где свечку купить и куда эту свечку поставить. Давайте просто придем на саму службу, встанем в уголочке, чтобы никто не толкал и не мешал, — и попытаемся понять, что здесь происходит. Попытаемся вместе

⁸ См., напр.: с имеющими уши услышать, что Дух говорит церквам⁸.
Откр. 2: 7.